

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1250-1259
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1250

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scenarios of Intercultural Communication of the Russian and Indigenous Population of Siberia in the Views of the Leaders of the Siberian Regionalism

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Yuri M. Goncharov ^d, Utkir I. Abdullaev ^e

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Aitai State University, Russian Federation

^e Urgench State University, Khorezm, Republic of Uzbekistan

Abstract

In the article, based on the materials of the epistolary and scientific-journalistic heritage of the leaders of the Siberian regionalism, the scenarios of intercultural communication of the Russian and indigenous population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries, constructed by the authors, are revealed. The methodological basis of the study was the approaches of a new cultural and intellectual history, and the representativeness of the conclusions is due to the involvement of an array of texts devoted to the reflection by the community of Siberian regionalists of "foreign" and Russian issues as part of the socio-political discourse of the post-reform era. In the course of the study, the authors revealed the main positions of the leaders of the regionalism in constructing scenarios for intercultural communication of the indicated groups. It has been established that the perceptions of the regionalists about Siberia as a colony within Russia actualized in their correspondence, journalism and scientific works the topic of limiting the rights and economic potential of both the indigenous and the Russian population in the implementation of the imperial colonization project. In the opinion of Siberian liberals, overcoming this state of affairs was possible not only by means of spreading agricultural practices, but, mainly, under the condition of extensive enlightenment and educational work among indigenous peoples and Russian settlers. One of the landmark scenarios for the cultural cooperation of the autochthons with the Russian population, the regionalists considered the active inclusion of representatives of the steppe aristocracy in the system of higher education and state activities, which, in their opinion, opened up good chances for the influence of local elites on their fellow tribesmen and contributed to their socialization outside the repressive models of Russification offered national-conservative forces of the Russian Empire.

Keywords: Siberia, colonization, metropolis, outskirts, leaders of Siberian regionalism, socio-political discourse, indigenous peoples, intercultural communication.

1. Введение

Имперский опыт и практики внутренней колонизации Сибири и прилегающих территорий во второй половине XIX – начале XX вв. стали предметной сферой общественно-политического дискурса, репрезентировавшего диаметрально противоположные представления об основных акторах колонизационного процесса и вариантах инкорпорации окраинных пространств в общегосударственное поле. В публицистическом контенте пореформенного времени отчетливо проявилось два подхода к

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), yuriig@yandex.ru (Yu.M. Goncharov), utkir112@mail.ru (U.I. Abdullaev)

конструированию моделей организации территорий, вошедших в этот период в орбиту активной государственной деятельности Российской империи. Сторонники национал-консервативной (охранительной) модели соизмеряли свои воззрения с задачами имперской безопасности, что инициировало в их речах и публикациях на страницах периодических изданий тезис о преодолении сепаратистских настроений в условиях политического и географического фронта, отношении к окраинам как естественному продолжению коренной территории. Адепты либерализма, напротив, были склонны воспринимать восточные окраины в качестве российской колонии в экономическом, политическом и культурном отношении, которая нуждается в патерналистском участии со стороны метрополии и, на основаниях опеки, постепенном и продуманном встраивании Сибири и ее народов, в том числе русского, в социальную ткань России.

Данная позиция рельефно отразилась в эпистолярном и научно-публицистическом наследии лидеров сибирского областничества – С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, репрезентировавших на страницах своих произведений возможные сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в контексте колонизационного процесса второй половины XIX – начала XX вв. В этой связи обращение к трудам областников не только открывает видимые перспективы деконструкции дискурса колонизации и выявления широкого спектра вариантов коммуникации сообществ в рамках конкуренции колонизационных проектов, но и демонстрирует вероятные пути сотрудничества власти и общества по политической организации имперского пространства в обстоятельствах этнокультурного многообразия.

2. Материалы и методы

Решение задач, направленных на выявление и описание сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в представлениях областников, предполагало обращение к творческому наследию лидеров этого общественно-политического и интеллектуального движения.

Источниками работы, таким образом, стала переписка сибирских областников, маркированная 1872–1874 гг. – временем их пребывания в политической ссылке (С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев в Архангельской губернии, Г.Н. Потанин после отбытия каторги в Свеаборгской крепости – в Вологде). В этот период произошло качественное переформатирование областнической программы, которая заметно эволюционировала от политического радикализма и афиширования сепаратистских лозунгов к вдумчивому анализу статуса Сибири в составе Российской империи. Кроме того, переживание травмы дела «сибирских сепаратистов» несло на себе яркий отпечаток эмоциональной рефлексии, что оказалось запечатлено в стилистике писем, сокровенном и искреннем изложении областниками своих впечатлений, убеждений и представлений.

К исследованию также были привлечены научные статьи, заметки и монографии областников разных лет (1869–1884 гг.), посвященные «иностранному» вопросу как одному из наиболее злободневных, наряду с университетским, ссыльно-каторжным и переселенческим, в сибирской публицистике второй половины XIX в.

В методологическом отношении постановка проблемы, алгоритмы ее решения и выводы статьи опосредованно соприкасаются с такой междисциплинарной областью современных гуманитарных исследований, как «новая культурно-интеллектуальная история», ориентированной на изучение многообразных форм интеллектуальной деятельности в динамике их возникновения, бытования, восприятия, трансформаций и в разных исторических контекстах (Зверева, 2018: 294). Дискурс-анализ текстов лидеров сибирского областничества позволил не только выявить участников коммуникации, но и раскрыть социокультурный ее контекст, что в значительной степени способствовало конструированию сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в исследуемый период.

3. Обсуждение

Заявленная в статье тема, именно в аспекте выявления сценариев межкультурной коммуникации русского и коренного населения в общественно-политическом дискурсе, в отечественной историографии специально не рассматривалась, хотя нельзя не отметить, что проблема политики населения в периферийных, и особенно фронтальных, регионах России довольно часто оказывалась в спектре исследовательской оптики ученых, в том числе и в связи с опытом репрезентации «иностранного» и «русского» вопросов в трудах областников (Шиловский, 2004; Ковалешкина, 2005; Айзикова, Макарова, 2009).

Принципиальное значение для настоящего исследования имеют выводы А.М. Эткинды, основанные на тщательном изучении историографической традиции российской колонизации как внутреннего процесса, восходящей к трудам А. фон Гакстгаузена, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и Ф. Тернера. А. Эткинд, ссылаясь на выводы Ф. Тернера (Тернер, 2009) и сопоставляя освоение американского фронта и русскую колонизацию, пишет: «У американского фронта и русской колонизации – разные топологии: первый непрерывен...; вторая оставляла разрывы, карманы и складки» (Эткинд, 2016: 95). По логике А. Эткинды, «...хотя на разных участках огромной границы

внешней колонизации России возникало множество зон, где колонизаторы сотрудничали, соперничали и гибридизировались с колонизируемыми, эти смешанные культуры были локальными, сильно различались между собой и далеко отстояли друг от друга во времени и пространстве» (Эткинд, 2016: 95). И, тем не менее, на наш взгляд, в этой «складчатой» системе, слабо восприимчивой к освоению, периодически возникали условия для продуктивной межкультурной коммуникации, что фиксировалось в текстах эпохи, становясь до определенной степени руководством к действию для империи.

4. Результаты

«Инородческий» вопрос (именно так в нормативно-правовых документах, научно-публицистической и профанной лексике XIX в.), наряду с сюжетами о колониальном статусе Зауралья, ссылке, строительстве сибирской железной дороги, открытии университета и переселенческом движении, являлся одним из ключевых в политической программе областничества как либеральной идеологии и интеллектуального движения.

Симптоматично, что абрис научной теории, в том числе в сфере политики населения на восточных окраинах империи, программа сибирского областничества начала обретать в начале 1870-х гг., с завершением дела «сибирских сепаратистов» (1865 г.) и приобретением лидерами областнического движения «травматического» опыта политической ссылки (Чуркин, 2019). Именно в условиях частичного ограничения свободы, ставшего предметом личного переживания трудной жизненной ситуации, в идеологии областников наметились весьма серьезные трансформации от политического радикализма (отделение Сибири от России) к признанию колониальности как условия и фактора встраивания региональной экономики, административного управления и социума в общеимперское пространство России.

Члены редакционной коллегии журнала «Сибирские записки», взявшие на себя труд публикации эпистолярного наследия Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1872–1874 гг., в преамбуле к переписке отмечали, что исходной точкой оформления новой областнической программы стал вопрос об отношении колонии к метрополии, провинции к политическому и экономическому центру (Ядринцев, 1918: 1), а увлечение Н.М. Ядринцева изучением английского языка было напрямую связано с интересом к колониальной литературе (Ядринцев, 1918: 1). Таким образом, сибирские либералы, опираясь на западную колониальную теорию и ее основные постулаты, сообразно с которыми неизбежным итогом колониализма станет отделение колонии от метрополии (Леруа-Болье, 1877; Рошер, 2005), перенесли данный вывод и на сферу межэтнических коммуникаций, постулируя ее в риторике культуртрегерства и сотрудничества локально-этнографических сообществ Сибири с русским населением.

Следует заметить, что участие областников в обсуждении «инородческого» вопроса в Сибири, а также конструирование сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения опирались на долгосрочную исследовательскую традицию отечественной этнографии, становление и развитие которой А.В. Головнев определил как отклик на колониальную практику России начала XVIII в. (Головнев, 2018: 7). Очевидно, что накопление этнографического материала о народах Российской империи вообще, и азиатского ее сегмента в частности, открывало широкие перспективы не только для серьезной аналитической экспертизы этнокультурного и этноконфессионального своеобразия коренных народов Сибири, но и для разработки моделей инкорпорации их в региональный социум с опорой на сложившиеся практики государственного патернализма, с одной стороны, и учетом аккультурационного потенциала индигенного населения – с другой.

Последний пункт, ориентированный на сферу решения национального вопроса, в представлениях сибирских областников во многом актуализировался их непосредственной связью с Сибирью как местом рождения и общественно-политической деятельности в обстоятельствах полиэтничного состава населения, интенсивных межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов, предполагавших разные исходы: метисацию, ассимиляцию, аккультурацию.

Эскалация областнического дискурса межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в целом реализовывалась в условиях благоприятного общественно-политического и социокультурного фона демократических реформ 1860-х – 1870-х гг. и влияния федералистской теории, активными разработчиками и популяризаторами которой являлись Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, сыгравшие значительную роль в формировании мировоззрения молодых сибирских патриотов. Не случайно, что тема гражданского обустройства российской провинции, организации общественных отношений на периферии империи, стала своеобразной «визитной карточкой» сибирских либералов как публицистов и общим фундаментом политической программы областничества во второй половине XIX – начале XX вв.

К основным «площадкам» формулирования теоретических основ и репрезентации «инородческого» вопроса в идеологии областников, а также потенциальных сценариев межкультурной коммуникации индигенного и русского населения Сибири в контексте колонизации в исследуемый период принадлежали – периодические издания (газеты и журналы) либерального толка, личная переписка лидеров сибирского областничества, отчеты по результатам экспедиций под

эгидой ЗСОИРГО, отдельные авторские труды монографического характера, запечатлевшие сформулированные областниками выводы по состоянию «инородческой» проблематики в продолжительной исторической ретроспективе и возможных вариантах решения вопроса в обозримом будущем.

Приоритет в исследовании «инородческого» вопроса как составляющего элемента идейно-политической программы сибирского областничества, воплотившийся в смещении акцентов от этнографического описания автохтонов Сибири к рефлексии сценариев их культурного сближения с русскими переселенцами, принадлежал С.С. Шашкову. Не вдаваясь в нюансы биографии С.С. Шашкова, обратим внимание на тот факт, что современные исследователи, подчеркивая пионерский характер идейного наследия областников, сходятся в признании особой его роли как носителя академического знания в области истории первобытной культуры, ставшего основой его теории исторического процесса (Малинов, Пешперова, 2015). По убеждению С.С. Шашкова, переход к оседлому образу жизни индигенных народов империи, принятие конвенций земледельческой культуры может рассматриваться как фактор их постепенной интеграции в российский социум и новую этническую конфигурацию – сибирско-инородческий тип русского народа. Данная теория была в целом принята сибирскими областниками (Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным) и творчески переосмыслена в публикациях 1870–1880-х гг. Необходимо принимать во внимание, что основные труды С.С. Шашкова в рамках областнического направления, в том числе публикации по «инородческому» вопросу, вышли в свет еще в 1860-е гг., но влияние его личности на мировоззрение членов сообщества сохранялось и после 1869 г., когда С.С. Шашков был приговорен к ссылке в Архангельскую губернию, где уже находились его соратники – Н.М. Ядринцев, Н.С. Щукин, Н.В. Ушаров, А.Д. Шайтанов. Симптоматично, что и Н.М. Ядринцев, и Г.Н. Потанин в личной переписке признавали безусловный авторитет С.С. Шашкова. Так, Н.М. Ядринцев, жалуюсь своему другу на отсутствие рядом людей сходной с ним породы, сообщает: «...Просвещением мы снабжены..., у Серафима (Шашкова) уже есть порядочная библиотека, даже по части исторической... (Ядринцев, 1918: 4). Г.Н. Потанин, в свою очередь, как бы не замечая иронического тона товарища, не без зависти пишет: «Как это Вы устроили, что все трое собрались вместе?» (Потанин, 1987: 83) – не преминув обратиться к С.С. Шашкову – владельцу хорошо укомплектованной научной литературы библиотеки – с весьма характерной просьбой: «...Так как он несколько знаком с литературой об инородцах и обладатель, вероятно, многих иностранных каталогов, то не окажет ли он мне услугу составлением записочки о книгах на французском, немецком и английском языках об инородцах и дикарях Америки, Африки и Австралии, в которых разбирался бы вопрос об их «быть или не быть» (Потанин, 1987: 79).

Самая значительная публикация С.С. Шашкова, в которой были озвучены представления автора о содержании «инородческого» вопроса и исходном сценарии его решения в Сибири, была размещена на страницах общественно-политического журнала либеральной направленности «Дело» в 1867 г. В центре исследовательской оптики С.С. Шашкова оказались вопросы, иллюстрирующие формы экономической эксплуатации коренного населения Сибири, организации быта и семейных отношений автохтонов, санитарное состояние жилищ, демографию, их нравы в связи с влиянием русского колониального элемента. Комментируя сложившиеся в XVIII – первой половине XIX вв. практики администрирования в отношении всех групп населения, Шашков приводит яркие примеры произвола региональной администрации, подчеркивая: «Если так поступали с русскими, даже со значительными чиновниками, то можно себе представить, каково было положение «инородцев», к которым относились как к покоренному и, следовательно, подневольному племени» (Шашков, 1867 а: 266).

Заметим, что общий пафос статьи С.С. Шашкова, материалы которой содержали постоянные ссылки на архивные сведения о насильственном характере русского «культуртрегерства», приведшего к массовому вымиранию и сокращению численности коренных народов Сибири, сводился к констатации факта о том, что значительная масса «инородческого» населения «...находится в страшной нищете, заражена губительными болезнями, подвержена вымиранию» (березовские, нарымские, туруханские, камчатские, частью туринские, тобольские и алтайские) (Шашков, 1867b: 26).

При этом С.С. Шашков отмечал, что относительно благополучной оказалась судьба бурят и якутов, которые благодаря восприятию практик земледелия и скотоводства постепенно подвергались обрусению, что позволяло делать вывод об их «скором вступлении в состав русской народности» (Шашков, 1867 b: 26).

По мнению С.С. Шашкова, продуктивное решение «инородческого» вопроса в Сибири не может быть обеспечено мерами экономической и административно-политической поддержки коренных народов до тех пор, пока не произойдут качественные перемены в культурном облике русского сегмента сибирского общества и окажутся изжитыми нравственные его недостатки, «благодаря которым сибиряки всех сословий так энергично эксплуатируют «инородцев» (Шашков, 1867b: 27). Резюмируя, С.С. Шашков полагал, что единственным сценарием, в рамках которого возможна организация равноправной коммуникации русского и индигенного населения Зауралья, станет распространение образования и основ гуманной нравственности в среде сибиряков. Без этих благодетельных факторов, полагал С.С. Шашков, счастье народов останется безумной мечтой (Шашков, 1867b: 27).

Общий подход к состоянию «инородческой» проблемы как ситуации насилия и дискриминации, сформулированный С.С. Шашковым, был воспринят, творчески переосмыслен и существенно дополнен в эпистолярном, публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева. В своих исходных представлениях о социальном статусе коренного населения, озвученных в годы ссылки в письмах (1872–1873 гг.) к соратнику и единомышленнику Г.Н. Потанину, он практически буквально транслировал тезис С.С. Шашкова о нещадной эксплуатации индигенных групп населения, безусловно соглашаясь с фактом тотального давления государства на все категории сибирского социума. Н.М. Ядринцев, в частности, писал: «Русский человек «промышляет» инородца. Последствия завоевательной политики – воззрения на Восток, как на завоеванную страну и враждебных «народцев». Завоевательные воззрения отражаются и на русском населении, они проявляются опекой и регламентацией» (Ядринцев, 1918: 21–22). Однако, в отличие от С.С. Шашкова, рассматривавшего значимость перехода коренных народов к оседлому земледелию в качестве фактора преодоления их зависимого статуса, Н.М. Ядринцев подчеркивал важность использования в данном вопросе мирового колониального опыта. Увлечение западноевропейскими теориями колонизации убеждало лидера областников в важности конструирования такого варианта политики населения, при котором автохтоны «достигнут известной степени образования и хорошей репутации» (Ядринцев, 1918: 41). Апеллируя к опыту французских колонистов в Луизиане и Канаде, Н.М. Ядринцев поставил под сомнение господствовавший в XIX в. тезис об ограниченных способностях коренных народов к восприятию форм цивилизованного общежития. Рассказывая о поездке индейских вождей по США, Н.М. Ядринцев отмечал, что они не только свободно объяснялись по-французски, но «это были люди, способные быть полными гражданами» (Ядринцев, 1918: 41).

Будучи типичным представителем русской народнической интеллигенции 1860–1870-х гг., мыслившей и действовавшей в системе координат теорий «неоплатного долга перед народом» и «малых дел», Н.М. Ядринцев в своих рассуждениях 1870-х гг. о судьбах «инородцев» определял культуртрегерство отдельных личностей как один из эффективных сценариев коммуникации представителей колонизаторов и колонизируемых. Так, делаясь с Г.Н. Потаниным своими впечатлениями о публикациях по «инородческому» вопросу в периодической печати, Н.М. Ядринцев обратил внимание на деятельность Джорджа Робинсона, определив его как «избранную европейскую личность, умевшую ладить с инородцами» (Ядринцев, 1918: 85). Далее следовало подробное повествование об этом персонаже как о гуманном простолюдине-колонисте, который основал школу для тасманийцев, стремился обратить их к цивилизации и мирной жизни, доказывая их способность к модерну (Ядринцев, 1918: 85). По свидетельству Н.М. Ядринцева, подобное участие в культурной эмансипации коренных народов не являлось единичным. К таковым «подвижникам» он причислял капитана Смита в Америке, Морица Биановского, ставшего независимым королем Мадагаскара (Ядринцев, 1918: 85).

И все-таки, обращаясь к отечественным условиям, Н.М. Ядринцев оставался реалистом, полагая, что «у Сибири есть будущность, но будущность эта мало зависит от той или другой личности, но весьма много от тех реформ, какими пользуется Европейская Россия» (Ядринцев, 1918: 94). Разработка Н.М. Ядринцевым «инородческого» вопроса и сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в 1880-х гг. подверглась достаточно серьезной коррекции. Изменения в представлениях во многом были обусловлены активным участием Н.М. Ядринцева в экспертно-экспедиционной деятельности ЗСОИРГО, членом которого он являлся, и многочисленными поездками по Сибири, позволившими собрать и систематизировать богатейший этнографический материал о коренных народах региона. В преамбуле к книге, посвященной быту и современному положению сибирских инородцев (Ядринцев, 2000), изданной в 1891 г., но охватившей период авторских наблюдений и рефлексии конца 1870–1880-х гг., Н.М. Ядринцев представил детальную периодизацию своей экспедиционной работы, начавшейся в 1878–1880-х гг. с исследования Алтайского горного округа и продолжившейся путешествиями по всей Сибири до Иркутска в 1886 и 1888 гг. Особенно настоятельно Н.М. Ядринцев указывал на благоприятные условия, которые сопутствовали его исследованиям: «Находясь на государственной службе в Западной Сибири, был прикомандирован к Комитету для избрания мест оседлых поселений в степях Западной Сибири с целью привлечения кочевых племен к оседлости. Затем участвовал в работах другого Комитета, учрежденного генерал-губернатором Западной Сибири, а именно по пересмотру проектов уставов для привлечения инородцев к воинской повинности. В этих Комитетах сосредоточены были подробные сведения о числе и положении инородцев всей Западной Сибири» (Ядринцев, 2000: 5). Исследовательская гипотеза, озвученная Н.М. Ядринцевым во вводной части работы, сводилась к идее, что огульное отрицание способности у инородческих племен к восприятию культуры и цивилизации является преждевременным и поверхностным выводом (Ядринцев, 2000: 7–8), который может и должен быть опровергнут в ходе практических исследований и детального погружения в изучение этнографического быта и стереотипов поведения коренных народов Сибири.

В данной связи предметом пристального анализа Н.М. Ядринцева стали вопросы взаимодействия русского и «инородческого» населения, а также влияния культуры и просвещения на межэтническую коммуникацию. Накопленный в ходе экспедиций и переосмысленный на

теоретическом уровне этнографический материал позволил Н.М. Ядринцеву охарактеризовать этнокультурную ситуацию в Сибири, вывести ее научную рефлексию за трафаретные рамки национал-консервативного и либерального дискурсов, постулировавших только крайности: культурную ассимиляцию «инородцев» как абсолютное благо для «охранителей» – русификаторов и физическое вымирание как этническую катастрофу для умеренной и радикальной интеллигенции. Н.М. Ядринцев констатировал, что русское население, оказавшись в одном коммуникационном пространстве с «инородцами», «оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию» (Ядринцев, 2000: 175). Исследователь пришел к заключению о существовании в Сибири двух тенденций метисации населения: обрусения части коренных народов, объясняемого их брачными связями с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в русскую среду, а также обратного процесса «обынородчивания» русского населения, полагая, что данное явление позитивно, поскольку способствует установлению прочных коммуникационных связей в экономической и культурной жизни (Ядринцев, 2000: 180).

Учитывая логику этнокультурной миксации в Сибири, Н.М. Ядринцев полагал, что продуктивность взаимодействия русского и коренного населения края может быть обеспечена только при активном участии в данном процессе государства и общества: просвещение и образование как индигенного, так и русского населения лидер сибирских областников считал первостепенной задачей на восточных окраинах империи (Ядринцев, 2000: 233).

Общий прогноз относительно сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в концентрированном виде был представлен Н.М. Ядринцевым на страницах его сочинения «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (Ядринцев, 2003).

Во-первых, исследователь позиционировал статус «инородцев» как посреднический между азиатским и европейским культурными типами в Сибири, что обеспечивалось сохранением этнической самобытности при условии усвоения основ европейской просвещенности (Ядринцев, 2003: 158).

Во-вторых, Н.М. Ядринцев призывал российских ученых и общественно-политических деятелей отказаться от узко-ориенталистского подхода к оценке мирозерцания коренных народов Сибири, изучение которого «заставляет видеть в этих племенах... не бессловесных дикарей, у которых желательно сохранить одну физическую жизнь..., но носителей особого духа, причудливого мифа и древнего эпоса, являющихся частью культурного наследия человечества» (Ядринцев, 2003: 160).

В отношении последнего тезиса Н.М. Ядринцев важное значение придавал не только просвещению и образованию в русской и «инородческой» среде как «площадкам» коммуникации и сотрудничества групп, но и равноправному включению представителей индигенного населения в интеллектуальную сферу деятельности – научную экспертизу территорий Азиатской России, изучение ее этнографической карты, быта и повседневности народов, особо выделяя роль в такой работе выходцев из степной аристократии: Д. Банзарова, Н. Болдонова, Ч. Валиханова, М. Чевалкова и др. (Ядринцев, 2003: 157).

Тема формирования и культурной инкорпорации индигенной интеллигенции в аспекте конструирования межкультурной коммуникации русского и коренного населения Сибири получила развитие в литературно-публицистической и научной рецепции Г.Н. Потанина. Солидаризируясь с Н.М. Ядринцевым в вопросе о разработке антиориенталистского понимания культуры автохтонов, основанном на передовых колониальных теориях, Г.Н. Потанин писал своему единомышленнику: «Не знаю, сделаю ли что-нибудь с инородческим вопросом. Очень, кажется, не хлебно. Я, однако ж, выписал Герланда о вымирании рас. В «Zeitschrift für Ethnologie» я нашел беглую заметку, что будто дикари северо-западного берега (Соединенных Штатов Северной Америки) быстро усваивают европейскую культуру и вовсе не рассчитывают вымирать. Подобные случаи «невымирающих дикарей» наиболее важны. Я бы желал, чтобы можно было написать статью: «Невымирающие дикари», добавляя, что «при исследовании инородческой среды важнее, чем во всякой другой среде, проникнуть в дух народа, узнать его живую душу, изучить нравы, обычаи и мирозерцание этого народа, воспитанное веками. Необходимо в инородце видеть человека, полюбить его, а не видеть в нем одного варвара. На эту точку зрения не мог стать ни прежний завоеватель, ни торговец, ни бюрократ-чиновник, занятый внешними регламентаторско-административными проектами» (Потанин, 2014: 63). При этом Потанин, хотя и с некоторой долей скепсиса, обозначил пионерскую функцию национальной интеллигенции, мобилизованной из аристократической среды: «В киргизской степи масса еще слепо следует за своими так называемыми «лучшими людьми», ...за богачами, султанами и биями. С этим сословием нам необходимо пока считаться, так как оно все-таки руководит чувствами массы; создать средства для просвещения последней и оставить верхние слои народа напитываться мусульманским фанатизмом и нелюбовью к науке – было бы с нашей стороны ошибкой» (Потанин, 2014: 67). По констатации В.П. Зиновьева, Г.Н. Потанин пользовался большим авторитетом у казахской элиты, приняв непосредственное участие в судьбе таких известных выходцев из аристократической среды, как М. Жумабаев, А. Ермеков, М. Шорманов, а также передав опыт экспедиционной работы следующему поколению ученых и военных, среди которых были

выдающиеся представители аристократических слоев коренного населения края (Зиновьев, 2011: 35). К числу типичных представителей этой генерации современные казахстанские и российские историки относят, например, Гази Валиханова, вышедшего из старой казахской аристократии рода чингизидов-торе. Г. Валиханов – выпускник сибирского кадетского корпуса, действительный член ИРГО, член экспедиции генерала М.Г. Черняева в Среднюю Азию, предполагаемый автор «Программы этнографической Хивинской экспедиции», участник польской кампании, видный военный и общественный деятель. Состоя в конном казачьем полку Сибирского казачьего войска, размещенном в Тобольске, он возглавил экспедиционный отряд, командированный в район Черного Иртыша, в результате чего часть казахских родов вошла в подданство Российской империи. В 1863 г., принимая непосредственное участие в военных действиях в Средней Азии и имея влияние в элитарной среде коренного населения, Г. Валиханов способствовал включению в русское подданство консолидированных групп казахской и киргизской степной аристократии (Дмитриев, 2013; Абуев и др., 2005).

Выстраивая сценарную модель межкультурных контактов русских и индигенных народов, Г.Н. Потанин подчеркнул необходимость интеграции автохтонной аристократии в российский социум через систему «низшие школы – высшие школы – университет» (Потанин, 2014: 66–67). По убеждению Потанина, в недрах сибирского общества, формировавшегося в обстоятельствах этнокультурной мозаичности, изначально присутствовала тенденция к коммуникативному контакту русского и инородческого населения, их культурной близости, что, полагал Г.Н. Потанин, нуждается в постоянной репрезентации, с использованием таких площадок, как публицистика и художественная литература. Обращаясь в свойственной ему шуточной манере к Н.М. Ядринцеву, Г.Н. Потанин вопрошал: «Не измыслим ли мы втроем, купно с Андреем Павловичем, рассказа из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза, – факт, который у нас на Иртыше не редкость» (Потанин, 1987: 89).

Размышляя о перспективах Сибири как продукта совместных усилий русского и индигенного сегментов населения региона, Г.Н. Потанин особо подчеркивал изменения в акцентах исследовательской работы, произошедшие во второй половине XIX в., что во многом было связано с деятельностью ЗСОИРГО. Областник констатировал, что этнографическое поле Сибири в этот период начинает осваиваться не столько в контексте описания обычаев и факторов бытового устройства коренного населения, сколько с целью выяснения экономических возможностей кочевого хозяйства, перспектив его перестроения в оседлое производство и интеграции с русским крестьянским земледелием (Потанин, 1987: 96).

5. Заключение

Резюмируя, необходимо отметить, что представления лидеров областничества о сценариях межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири формировались в течение длительного исторического периода, отражая процесс эволюции политической и культурной программы сибирских либералов.

«Инородческий» вопрос в идеологии и дискурсе сибирского областничества был тесно связан с «русским» вопросом, а межкультурная коммуникация русского и коренного населения региона рассматривалась умеренными либералами как фактор продуктивной экономической и социально-политической колонизации восточных окраин империи. Для лидеров сибирского областничества имперская политика населения в обстоятельствах фронта представлялась эффективной только при условии культурной инкорпорации и совместной деятельности этнолокальных сообществ. На этом основании главным посылом, озвученным в эпистолярных и научно-публицистических текстах лидеров областничества, являлось культуртрегерство в отношении как индигенных народов, так и русского сегмента населения региона. При этом в ранних трудах областников очевидно превалировала «разоблачительная» риторика, иллюстрирующая бедственное положение в Сибири как русских переселенцев, так и автохтонов. Статус индигенных народов повсеместно определялся ими в словесных формулах «обнищание» и «вымирание», преодоление которых виделось возможным только при переходе к оседлости и земледельческим практикам. В дальнейшем представления областников о вариантах решения «инородческого» и «русского» вопросов в Сибири значительно усложнилось. В сценариях межкультурной коммуникации русского и индигенного населения на первый план вышли задачи просветительского и образовательного характера, а также формирования национальной интеллигенции, которая позиционировалась областниками как актор трансляции европейской культуры и знания.

6. Благодарности

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»; The work was supported in the framework of «Priority-2030» by the Altay State University

Литература

- Абуев и др., 2005** – Абуев К.К., Кенесарина Г.М., Онищенко О.А. Султан-Газы Валиханов / Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова: Тезисы докладов и сообщений. Омск, 2005. С. 139-144.
- Айзикова, Макарова, 2009** – Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск, 2009. 266 с.
- Головнев, 2018** – Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // *Этнография*. 2018. № 1. С. 6-39.
- Дмитриев, 2013** – Дмитриев С.В. Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов: страницы биографии // *Страны и народы Востока*. 2013. № XXXIV. С. 311-323.
- Зверева, 2018** – Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // *Преподаватель. XXI век*. 2018. № 4. С. 288-302.
- Ковалышкينا, 2005** – Ковалышкينا Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
- Леруа-Болье, 1877** – Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. М., 1877. 526 с.
- Малинов, Пешперова, 2015** – Малинов А., Пешперова И. Областничество в исторической ретроспективе // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 133. С. 101-111.
- Письма Г.Н. Потанина, 1987** – Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. 280 с.
- Письма Н.М. Ядринцева к Потанину, 1918** – Письма Н.М. Ядринцева к Потанину. Красноярск, 1918. 232 с.
- Потанин, 2014** – Потанин Г.Н. Инородческий вопрос в Сибири / Избранное. Томск, 2014. С. 62-69.
- Рошер, 2005** – Рошер В. Система народного хозяйства / *Мировая экономическая мысль*. Сквозь призму веков. М.: Мысль, 2005. Т. 3. С. 68-77.
- Тернер, 2009** – Тернер Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009. 304 с.
- Чуркин, 2019** – Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) / V *Ядринцевские чтения. Материалы V Всеросс. науч.-практ. конференции*. Омск, 2019. С. 66-72.
- Шашков, 1867a** – Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. № 10, отд. 1. С. 232-266.
- Шашков, 1867b** – Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. № 10, отд. 2. С. 1-27.
- Шиловский, 2004** – Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004. 240 с.
- Эткинд, 2016** – Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. 448 с.
- Ядринцев, 2000** – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 336 с.
- Ядринцев, 2003** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

References

- Abuev i dr., 2005** – Abuev, K.K., Kenesarina, G.M., Onishchenko, O.A. (2005). Sultan-Gazy Valihanov [Sultan-Gazy Valikhanov]. *Stepnoi kraj Evrazii: Istoriko-kul'turnye vzaimodeistviya i sovremennost': IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 170-letiyu so dnya rozhdeniya G.N. Potanina i Ch.Ch. Valikhanova: Tezisy dokladov i soobshchenii*. Omsk, pp. 139-144. [in Russian]
- Ajzikova, Makarova, 2009** – Ajzikova, I.A., Makarova, E.A. (2009). Tema pereseleniya v Sibir' v literature centra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-h gg.: problema dialoga [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk, 266 p. [in Russian]
- Churkin, 2019** – Churkin, M.K. (2019). Istoricheskaya «travma» kolonizatsii v recepcii sibirskogo oblastnichestva (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.) [Historical "trauma" of colonization in the reception of Siberian regionalism (the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries)]. V *Yadrintsevskie chteniya. Materialy V Vseross. nauch.-prakt. konferentsii*. Omsk, pp. 66-72. [in Russian]
- Dmitriev, 2013** – Dmitriev, S.V. (2013). Chlen Russkogo geograficheskogo obshchestva general sultan Gazi Valihanov: stranicy biografii [Member of the Russian Geographical Society, General Sultan Gazi Valikhanov: biography pages]. *Strany i narody Vostoka*. XXXIV: 311-323. [in Russian]
- Etkind, 2016** – Etkind, A.M. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Russia's imperial experience]. M., 448 p. [in Russian]
- Golovnyov, 2018** – Golovnyov, A.V. (2018). Etnografiya v rossijskoj akademicheskoy traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografiya*. 1: 6-39. [in Russian]
- Kovalyashkina, 2005** – Kovalyashkina, E.P. (2005). «Inorodcheskiy vopros» v Sibiri. Konceptii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mysl' ["Foreign Question" in Siberia. Concepts of state policy and regional thought]. Tomsk, 326 p. [in Russian]

- Lerua-Bol'e, 1877 – *Lerua-Bol'e, A.* (1877). Kolonizaciya u novejsih narodov [Colonization among the newest peoples]. M., 526 p. [in Russian]
- Malinov, Peshperova, 2015 – *Malinov, A., Peshperova, I.* (2015). Oblastnichestvo v istoricheskoj retrospective [Regionalism in historical retrospective]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 133: 101-111. [in Russian]
- Pis'ma G.N. Potanina, 1987 – Pis'ma G.N. Potanina [Letters from G.N. Potanin]. T. 1. Irkutsk, 1987. 280 p. [in Russian]
- Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu, 1918 – Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu [Letters to N.M. Yadrintsev to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk, 1918. 232 p. [in Russian]
- Potanin, 2014 – *Potanin, G.N.* (2014). Inorodcheskij vopros v Sibiri [Foreign issue in Siberia]. *Izbrannoe*. Tomsk, pp. 62-69. [in Russian]
- Rosher, 2005 – *Rosher, V.* (2005). Sistema narodnogo hozyajstva [The system of the national economy]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. M.: Mysl'. Vol. 3. Pp. 68-77. [in Russian]
- Shashkov, 1867a – *Shashkov, S.S.* (1867). Sibirskie inorodcy v XIX stoletii [Siberian foreigners in the 19 century]. *Delo*. 10, otd. 1. pp. 232-266. [in Russian]
- Shashkov, 1867b – *Shashkov, S.S.* (1867). Sibirskie inorodcy v XIX stoletii [Siberian foreigners in the 19 century]. *Delo*. 10, otd. 2. pp. 1-27. [in Russian]
- Shilovskij, 2004 – *Shilovskij, M.V.* (2004). «Polnejshaya samootverzhennaya predannost' nauke». G.N. Potanin: Biograficheskij ocherk [“Total selfless devotion to science”. G.N. Potanin: Biographical sketch]. Novosibirsk, 240 p. [in Russian]
- Tyorner, 2009 – *Tyorner, F.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in american history]. M., 304 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2000 – *Yadrincev, N.M.* (2000). Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreigners, their way of life and current situation]. Tyumen', 2000. 336 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2003 – *Yadrincev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk, 555 p.
- Zvereva, 2018 – *Zvereva, G.I.* (2018). Intellektual'naya istoriya v sovremennoj Rossii: instituty i napravleniya [Intellectual history in modern Russia: institutions and directions]. *Prepodavatel'. XXI vek*. 4: 288-302. [in Russian]

Сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в представлениях лидеров сибирского областничества

Бакыт Салманович Токмурзаев^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин^{b, c},
Юрий Михайлович Гончаров^d, Уткир Исмоилович Абдуллаев^e

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^d Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^e Ургенчский государственный университет, Ургенч, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье на материалах эпистолярного и научно-публицистического наследия лидеров сибирского областничества выявлены конструируемые авторами сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Методологической основой исследования стали подходы новой культурно-интеллектуальной истории, а репрезентативность выводов обусловлена привлечением массива текстов, посвященных рефлексии сообществом сибирских областников «инородческого» и русского вопросов как части общественно-политического дискурса пореформенной эпохи. В ходе исследования авторами раскрыты основные позиции лидеров областничества в конструировании сценариев межкультурной коммуникации означенных групп. Установлено, что представления областников о Сибири как колонии в составе России актуализировали в их переписке, публицистике и научных трудах тему ограничения прав и экономического потенциала как коренного, так и русского населения в реализации имперского колониационного проекта. По мнению сибирских либералов, преодоление такого положения вещей было возможно не только средствами распространения земледельческих практик, но и, главным образом, при условии широкой просветительской и образовательной работы среди индигенных народов и русских переселенцев. Одним из знаковых сценариев культурного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
profchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), yuriig@yandex.ru (Ю.М. Гончаров),
utkir112@mail.ru (У.И. Абдуллаев)

сотрудничества автохтонов с русским населением областники считали активное включение в систему высшего образования и государственной деятельности представителей степной аристократии, что, по их мнению, открывало хорошие шансы влияния местных элит на своих соплеменников и способствовало их социализации вне репрессивных моделей русификации, предлагаемых национал-консервативными силами Российской империи.

Ключевые слова: Сибирь, колонизация, метрополия, окраина, лидеры сибирского областничества, общественно-политический дискурс, индигенные народы, межкультурная коммуникация.